

АРХАИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

В.Л. Римский

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.6>

Аннотация. В статье представлена гипотеза о том, что в современной России архаичные тенденции не менее, а более значимо, чем постиндустриальные и индустриальные, определяют ход и результаты процесса модернизации. При этом сознание и деятельность не только большинства общества, но и российских политических элит и государственного управления существенно определяются их архаизацией. А архаикой в их сознании и деятельности следует считать все, что следует культурным образцам и программам, соответствующим профессионально-именному социокоду М.К. Петрова. В статье приведено краткое описание концепции социокодов М.К. Петрова, которое необходимо для обоснования высказанной гипотезы, а также некоторые примеры, эту гипотезу подтверждающие. Сделан вывод о том, что реализуемая политика развития в современной России приводит к расширению архаизации общества и государства и потому к их неконкурентоспособности в мире. При этом ни в обществе, ни в органах власти, ни среди экспертов в нашей стране нет ни обсуждений архаизации общества и государства, ни, следовательно, поиска методов постепенного отказа от нее. Представленная в статье концепция социокодов М.К. Петрова и ее применения для выявления значимых факторов архаизации политической элиты и государственного управления России могут способствовать изменению ситуации в нашей стране и обеспечению ее реальной модернизации.

Ключевые слова: архаизация, архаика, модернизация, социокод, политические элиты, государственное управление, принятие решений, анализ, прогноз, Россия.

КАК ПОНИМАТЬ АРХАИЗАЦИЮ

Под архаизацией далее будем понимать переформулированное определение А.С. Ахиезера о том, что архаизация — это следование общества и органов государственной власти культурным образцам и программам, сложившимся в культурах, предшествующих современным, а в российских условиях, как правило, относящихся к периодам древнего и средневекового мира [Ахиезер 2001: 89]. Для большей определенности под архаизацией (от греч. «archaios» — «древний») будем понимать следование культурным образцам и программам, сложившимся именно в древности, в догосударственный период развития человеческих обществ и в последующий период ранней государственности в древних цивилизациях Междуречья, Египта и Китая. Государства Древней Греции и Римской республики, а потом и Римской империи мы исключаем из этого списка древних цивилизаций, потому что в них, как будет показано ниже, сформировались существенно иные культурные образцы и программы.

Под архаикой в связи с этим будем понимать результат архаизации в тот или иной период, ту совокупность культурных образцов и программ, которые в этот период развития процесса архаизации стали характерны для того или иного общества. Можно считать, что архаизация — это процесс обращения общества к архаике на том или ином периоде своего развития.

Для различения культурных образцов и программ, сформировавшихся в древних цивилизациях Междуречья, Египта и Китая, от тех, которые сложились в государствах Древней Греции и Рима, мы предлагаем следовать концепции социокодов М.К. Петрова [Петров 1973; 1995; 2004].

В соответствии с концепцией М.К. Петрова принципиально различными являются и организации общества, и устройство государства, и тип экономики для обществ, имеющих разные социокоды, гармонично соединяющие религиозные и идеологические представления, правосознание, отношения родства и технологические навыки, а также большие объемы социальной информации и знаний, необходимых для жизни и деятельности членов общества.

Социокод, все его компоненты, передаются от поколения к поколению, как правило, обеспечивая стабильность обществ. Но в некоторые кризисные периоды социокоды могут существенно меняться, нарушая преемственность передачи культурных образцов и программ, обеспечивая стабильность общества на иных основаниях, чем для предыдущих поколений [Медведев 2013: 23–29].

Под социокодом М.К. Петров понимает «основную знаковую реалию культуры, удерживающую в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности и обеспечивающие институты общения» [Петров 2004: 39]. В этом суждении массив знания понимается М.К. Петровым как массив социально необходимого знания, хранилища программ деятельности, норм и моделей поведения, в целом «наличной суммы обстоятельств», закодированных в знаковой форме. Этот массив социально необходимого знания неизбежно фрагментирован, поскольку он «расчленен на посильные индивидам фрагменты», на освоенные каждым из них смыслы, нормы и модели поведения. Но для существования и функционирования общества необходима интеграция этих фрагментов, требуется обеспечение целостности массива социально необходимого знания. Такая интеграция и целостность формируется и поддерживается «постоянно действующими институтами и механизмами» общения и взаимодействия, используемыми для «передачи знания новым поколениям и отчуждения знания у живущего поколения» [Петров 2004: 39].

Социокод, по представлениям М.К. Петрова, появляется в человеческом обществе в качестве средства внебиологического кодирования социально необходимого знания, средства, во многом независимого от отдельного индивида и даже целого поколения, способного в знаковой закодированной форме обеспечивать передачу такого знания многим будущим поколениям [Петров 2004: 87]. Можно добавить, что такой социокод оказывается способным хранить социально необходимые знания прошлых поколений, обеспечивать стабильность и целостность этого массива знаний, то есть преемственность культуры в широком смысле. А использование социального кодирования такого массива является скорее неизбежностью, обеспечивающей хранение и передачу разнообразий

смыслов в достаточно стабильных и слабо меняющихся во времени знаках. Такими знаками становятся имена, названия, термины, понятия, индивидуализирующие адреса «распределения социально необходимой деятельности, фрагментированной по контурам сил и возможностей индивидов» [Петров 2004: 88]. И далее М.К. Петров поясняет, что в архаичных культурах имена определяют жизнь индивидов во многом, а в Индии и вообще полностью, связывая их с теми или иными разрешенными им видами деятельности [Петров 2004: 88]. И потому архаичные социокоды в концепции М.К. Петрова были связаны с именами.

М.К. Петров описал три основных типа социокодов в истории человечества, каждый из которых определяет для соответствующих обществ все стороны жизни в них. Первый из социокодов — лично-именной — присущ первобытному обществу и сохранился по этой причине только у отдельных современных этносов. Вторым социокодом — профессионально-именной — появился в глубокой древности, когда возникли города, стали развиваться ремесла, появилась и стала влиятельной в обществе государственная власть. Этот социокод первоначально был связан с формированием традиционного общества, сословий в нем и закреплением за ними типов деятельности, профессий. Но и в настоящий период профессионально-именной социокод присущ многим современным обществам. Оба эти социокода — лично-именной и профессионально-именной — мы далее будем оценивать как архаические. Нам более всего будет интересовать профессионально-именной социокод, который определял и до настоящего периода продолжает определять жизнь и функционирование всех цивилизованных обществ, за исключением европейских и тех, которые приняли европейские принципы организации жизни, например, США, Канады, Австралии и некоторых других государств [Медведев 2013: 23–29].

Жизнь и функционирование этих, можно сказать, европейских обществ и государств, определяет третий социокод, который сложился в античной Греции, — универсально-понятийный. Этот социокод не связан непосредственно с именами, и только его мы не будем относить к архаике. Только универсально-понятийный социокод обеспечивает функционирование рыночной экономики и

демократии, он наиболее существенно в истории человечества способствовал и способствует в настоящий период техническому прогрессу, росту экономики, повышающему уровни благосостояния граждан этих государств, обеспечению реализации в них прав и свобод человека и гражданина. И демократические институты, и рыночная экономика, в соответствии с концепцией М.К. Петрова, не могут успешно развиваться в условиях отсутствия или существенных ограничений универсально-понятийного социокода [Медведев 2013: 23–29].

АРХАИЗАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИКИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ

В современной России модернизация общества, экономики, политики и государственного управления сочетается с развитием в этих сферах постиндустриальных, индустриальных и архаичных тенденций. В соответствии с нашей гипотезой архаичные тенденции не менее, а более значимо, чем постиндустриальные и индустриальные, определяют ход и результаты процесса модернизации нашей страны.

Об архаизации элиты и общества в России свидетельствует их приверженность профессионально-именному социокоду, по концепции М.К. Петрова, который определяет наиболее значимые ценности и управленческие решения в нашей стране. Профессионально-именной социокод в России определяет значимость в элите и обществе ценностей стабильности, служения государству, словности, иерархичности систем управления и многих других, о некоторых из которых пойдет речь ниже.

Консенсус в российском обществе в поддержании профессионально-именного социокода определяет низкий интерес большинства граждан и частных бизнесов к внедрению и использованию современных информационных и высоких технологий, приверженность к аграрно-сырьевой экономике и соответствующим ей принципам и методам управления обществом, экономикой, местными сообществами и государством. Вследствие этого в России приоритетной является стабильность власти как интерес государ-

ства, но не модернизация страны, не укрепление демократических институтов, не развитие рыночной экономики и не внедрение в системах производства и управления современных информационных и высоких технологий.

Изучая архаизацию широких социальных групп России, исследователи приходят к выводам о подверженности этому процессу широких социальных групп. Объясняется ситуация тем, что «возрождение архаики в глубинке, оказавшейся в тяжелой, кризисной ситуации, безусловно, служит гарантом некоторой стабильности, обеспечивает выживание значительной массы населения депрессивных регионов, способствуют сохранению “минимума социальности” (за счет усиления роли малых групп и аскриптивных связей) и тем самым выполняет достаточно важную роль» [Хачатурян 2018: 19]. Между тем исследователи отмечают и возможности позитивного воздействия архаики на модернизацию обществ и государств, например, в быстро развивающихся странах Востока — в Китае, Японии, Южной Корее и некоторых других [Хачатурян 2018: 18]. И тогда вполне логично возникает стремление не только оценивать архаику негативно, но и найти в ней позитивные ресурсы для поддержания модернизации и развития нашей страны [Хачатурян 2006].

В таких выводах исследователей необходимо отличать эффекты, вносимые в современность именно архаикой, от эффектов более поздних по времени явлений и процессов общественной жизни: традиционализма, феодализма и др. [Ламажаа 2011: 109]. Но при этом необходимо учитывать, что архаизация может в существенной степени определять и традиционализм, и многие явления как феодализма, так и других прошлых эпох. И эти влияния архаики могут существенно определять современные общественные отношения, политику и государственность, что было замечено исследователями в отношении России еще в 1990-е годы. Например, в своей работе 1997 г. «“Взрывающаяся архаичность”: традиционализм в политической жизни России» В.А. Ачкасов описал клановость российской политики как продолжение ранее сформированных в нашей стране традиций [Ачкасов 1997]. С этим, безусловно, следует согласиться: клановость общественных отношений в современности имеет основой именно их архаизацию.

Нужно учитывать и то, что клановость, как и многие другие традиции в обществе и государстве, формировались в течение длительных периодов времени и существенно менялись под действием разных факторов. В частности, архаизация и традиционализация нередко сосуществуют, действуют в обществе одновременно, и можно согласиться с Ч.К. Ламажаа, что эти процессы вряд ли следует рассматривать как однопорядковые [Ламажаа 2011: 109]. Но для дальнейшего анализа важно выделить то, что именно в традиционализме, в других типах общественных отношений имеет причиной архаику. Ведь и сама Ч.К. Ламажаа подтверждает актуальность изучения архаики и ее влияния на современность. Она признает, что с XIX в., с исследований З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Дюркгейма и Б. Малиновского архаика стала «актуальным фактором при анализе культуры и человеческого существования» [Ламажаа 2009: 45]. И потому в современном мире изучение архаики необходимо для понимания причин и последствий революций, реформ, разнообразных кризисов и других процессов, конечно, с учетом социокультурной и цивилизационной специфики государств [Там же: 45]. Это утверждение полностью относится и к современной России.

СРАВНЕНИЕ ГЕНЕЗИСА И СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИОКОДОВ М.К. ПЕТРОВА

Происходящее в постсоветский период в России объясняется разными исследователями с различных позиций. В продолжение формулирования нашей гипотезы мы утверждаем, что в современной России сознание и деятельность политических элит и государственного управления существенно определяются их архаизацией. При этом архаикой в их сознании и деятельности следует считать все, что следует культурным образцам и программам, соответствующим профессионально-именному социокоду М.К. Петрова. Как было представлено выше, архаизация российского общества также происходит, но фокусом нашего внимания далее будет архаизация политических элит и государственного управления, а также их влияние на архаизацию общества. Мы утверждаем, что за редкими

исключениями представители политических элит и государственного управления России не менее, а нередко и более подвержены архаизации, чем широкие социальные группы нашей страны.

В силу теоретического характера этой гипотезы ее вряд ли можно полностью обосновать результатами эмпирических исследований. Но такие обоснования тем не менее возможны. Во-первых, обоснованиями нашей гипотезы могут стать систематические повторения современными политическими элитами и органами власти России в своем мышлении и в своей деятельности стилей поведения, характерных для древних человеческих сообществ и государств, в которых доминировал профессионально-именной социокод М.К. Петрова. Во-вторых, обоснованиями нашей гипотезы могут стать столь же систематические отказы современных политических элит и органов власти России следовать культурным образцам и программам универсально-понятийного социокода М.К. Петрова. Как правило, первые и вторые обоснования нашей гипотезы в конкретных политических действиях и решениях проявляются совместно, что мы постараемся ниже показать на примерах.

В-третьих, наша гипотеза позволяет с достаточно высокой уверенностью объяснить политические решения лиц, их принимающих, на основе того, каким культурным образцам и программам они вероятнее всего будут следовать. И это обстоятельство, по нашему мнению, придает нашей гипотезе значимость в политической науке, поскольку может способствовать пониманию причин и факторов политических решений, развития российского политического процесса, процесса модернизации общества и государства.

Поскольку содержание нашей гипотезы связано с концепцией социокодов М.К. Петрова, приведем характеристики двух его социокодов — профессионально-именного и универсально-понятийного.

Цивилизации с доминированием профессионально-именного социокода М.К. Петров называет «сельскохозяйственными». Это наименование условно, его смысл в том, что именно в древних сельскохозяйственных цивилизациях Средиземного моря, Северной Африки и Азии и возник этот социокод. Он назван професси-

онально-именным, потому что в нем профессии связаны с теми или иными именами богов, которые были покровителями этих профессий, а шире — любых видов деятельности. Каждая деятельность в этих цивилизациях имела своего бога-покровителя, а эти боги были связаны в сознании древних людей кровно-родственными отношениями, которые проектировались на отношения между самими людьми и на их деятельность, помогали воспитывать новые поколения и т.д. Профессионально-именные и кровно-родственные отношения выражались в тех или иных мифах [Петров 1995: 191–194].

Для нашего анализа важно то, что в условиях доминирования профессионально-именного социокода «накопление нового и становление новых теоретических и практических отношений к миру может... идти только с сохранением целостности технологического ритуала, то есть, говоря языком современности, здесь возможна рационализация существующего, технологическая эволюция, и невозможна революция: слом и замена технологий новыми» [Петров 1995: 195]. Это обеспечивает стабильность «сельскохозяйственных» цивилизаций, но «закрывает дорогу в ритуал к технологиям новым» [Петров 1995: 195].

Для демонстрации различий профессионально-именного и универсально-понятийного социокодов М.К. Петров сравнивает их возникновение и проявления в древних государствах Китая и Крита. По его концепции, древнее китайское государство возникло и развивалось на основе профессионально-именного социокода, а древнее Критское государство стало первым в мировой истории, в котором возник универсально-понятийный социокод.

Критская государственность складывалась в древности в первую очередь как оборонительно-военная для защиты от внешних нападений с моря. Главной задачей критской государственности было ведение внешнеполитических отношений, чтобы не допустить нападений и войн, когда нападения происходили. А древняя китайская государственность в первую очередь обеспечивала нормальное функционирование сельского хозяйства в меняющихся природных условиях через регулирование стоков рек, защиту от наводнений с помощью дамб и других гидротехнических сооруже-

ний. По этим причинам главы китайской государственности и их министры должны были управлять стихиями, обеспечивать правильность и цикличность необходимых для получения урожаев природных процессов — смену «времен года, сухих и дождливых сезонов, разливов рек и т.д.» [Петров 1995: 198–199].

В результате, как пишет М.К. Петров, в Древнем Китае «небесные беспорядки (кометы, исчезновение и появление звезд), как и беспорядки земные (наводнения, засухи), всегда вменялись в вину администрации и “государственной науке”, подлежали устранению их силами» [Петров 1995: 201–202]. Это приводило к тому, что и общество, и сами государственные чиновники становились регуляторами всех небесных и земных процессов, отклоняющихся от нормы. Поэтому в государственном управлении формировались культурные образцы и программы, обеспечивающие «правильные» действия для восстановления нормального функционирования всех небесных и земных процессов, «правильное» реагирование чиновников по принципам действия отрицательной обратной связи для обеспечения стабильности сферы, за регулирование которой они отвечали.

В такой системе государственного управления идеи об изменении норм функционирования регулируемых процессов либо не возникали совсем, либо возникали крайне редко. Такие активные изменения подобных норм представлялись китайским чиновникам нелепыми, нарушающими культурные образцы, вероятнее всего, просто вредными. Отсюда и приверженность китайских чиновников к невмешательству в процессы, которые «протекают правильно», к управлению на расстоянии без участия в естественно развивающихся делах [Петров 1995: 202]. В результате новые технологии производственной деятельности формировались медленно и только в результате практики людей, передачи соответствующих практических навыков новым поколениям непосредственно в процессе самой производственной деятельности [Петров 1995: 203]. А в государственном аппарате новые идеи и новые приемы управления появлялись с помощью постоянного обновления состава чиновников в результате экзаменов. Поэтому талант и изобретательность на государственной службе «ставились на службу

стабильности», а не разрушали ее [Петров 1995: 203]. Кроме того, общество и государственное управление в «нормальных» ситуациях не взаимодействовали между собой: нормально функционирующее общество не требовало государственного регулирования и не получало его, а нормально функционирующее государство не требовало внимания общества, общество было в достаточной степени равнодушно к государству [Петров 1995: 203].

Иным было государство древнего Крита, как морской державы. Если в Древнем Китае государство должно было в первую очередь регулировать естественные процессы, обеспечивая их развитие в допустимых отклонениях от средних значений, то государство древнего Крита имело приоритетом защиту земледелия от морского разбоя, что естественным процессом считать невозможно. Ведь морские разбойники-пираты могли появляться и высаживаться на берег в непредсказуемые моменты времени, грабить земледельцев и снова исчезать в море. Как правило, с морскими пиратами возникали скоротечные конфликты, в которых разбойники всегда имели преимущества перед земледельцами — в неожиданности нападений, воинской выучке, потому что пираты занимались разбоем постоянно, в жестокости, о которой пишут древние авторы, в возможности при неблагоприятном стечении обстоятельств сесть на корабли и уплыть в море и т.п. [Петров 1995: 206–207].

По географическим и иным естественным причинам Критскому государству не нужно было обеспечивать нормальное регулирование сельского хозяйства, с этим вполне справлялись сравнительно небольшие общины людей. Получалось, что древним правителям Крита было даже невыгодно полностью избавиться от набегов морских пиратов на свои территории, потому что тогда разрушилась бы основа обоснования необходимости самого Критского государства — его борьба с набегами морских пиратов. Чтобы противостоять этим набегам, Критское государство было вынуждено децентрализовать государственное управление, распределять военную администрацию по угрожаемым участкам территории и ориентировать ее не на средние значения по всему периметру обороны, а на более высокие, достаточные для отражения нападения в тех местах, где они происходят. Главной пробле-

мой такой защиты от нападений было то, что пираты повышали свою «военную квалификацию», реагируя на усиление защитных ресурсов критского государства, но и государство в ответ должно было находить возможности еще большего усиления своей защиты и т.д. Получается, что древнее Критское государство было вынуждено осуществлять управление процессом защиты земледелия в режиме положительной обратной связи, когда усиление реакции на нападение ведет к усилению силы нападения, что снова приводит к усилению реакции на него, а в ответ — к усилению силы нападения и т.д. При этом земледельческие общины должны были и активно участвовали в отражении нападений пиратов, в чем их члены и руководители должны были и проявляли свои гражданские качества. В результате пиратские набеги и достаточно хорошо подготовленные воины земледельческих общин создавали ситуацию, в которой государство в его форме, похожей на государство Древнего Китая, становилось просто ненужным [Петров 1995: 206–207].

Древнее Критское государство, как известно, было разрушено в результате извержения вулкана на острове Тира, а потом и завоевания греками-ахейцами. Центром их государства стали Микены, расположенные на материковой части Древней Греции. Все эти государства в большей или в меньшей степени продолжали традиции древнего Критского государства. Но и Микенское царство погибло в результате кризиса, по-видимому, связанного с недостатком хлеба и продуктов питания вообще, а также вторжения дорийских племен, у которых еще господствовал родовой строй. Разрушение культуры в этом кризисе было столь сильным, что оказались утраченными древняя письменность, искусство обработки металлов и изготовления высокохудожественной керамики, исчезли из обращения золото и серебро. Это было началом так называемых «темных веков» в истории Древней Греции, продолжавшихся примерно с XI по IX в. до н. э. [Медведев 2013: 52–54].

В период «темных веков» экономическая и военная зависимость человека от государства существенно ослабли, потому что каждому, каждой семье нужно было выживать самостоятельно. Но мирные занятия — рыболовство и торговля — уже не могли про-

кормить семьи, поэтому выходом для выживания стало морское пиратство, столь же традиционное для этого региона мира с времен древнего Критского государства, как и торговля, и рыболовство. И можно утверждать, что «на палубах пятидесятивесельных разбойничьих кораблей, бороздивших Эгейское море, родился совсем другой тип человека», существенно отличавшийся от типа человека традиционного общества [Медведев 2013: 54].

Дело в том, что «экипаж корабля, отплывший на нем в море, становился фактически независимым от царской власти» [Медведев 2013: 55]. На море и в набегах на земледельческие поселения «требовалось безусловное подчинение власти капитана», но при этом «каждый член экипажа должен быть готов при необходимости заменить его» [Медведев 2013: 55]. В этом смысле на пиратских кораблях формировался тип человека, владевшего разными профессиями, а не одной, как в традиционном обществе, способного и умеющего хорошо воевать, способного не по знатности и богатству, а по этим умениям оценивать себя и других. Фактически на пиратских кораблях и в набегах все были равны в правах и обязанностях, а подчинялись приказам для организации совместной деятельности как свободные люди, а не как подданные государей или рабы. Но так же легко, как земледельцы становились пиратами, пираты становились земледельцами, когда оседали на захваченных ими землях. И тогда нормы и правила жизни на пиратских кораблях применялись к жизни в земледельческих общинах [Медведев 2013: 55].

Эти нормы и правила жизни существенно упростили семейные и родовые отношения и повысили значимость власти главы семьи — над женой, детьми, рабами. Фактически глава семьи правил в ней так же, как царь своими подданными. Глава семьи был и верховным жрецом в ней. Но это не означало равенства в знатности и богатстве, потому что морские корабли и вооружение воинов стоили дорого, их оплачивать могли только богатые греки, а более бедные становились подчиненными им матросами на кораблях и воинами в набегах. Следовательно, свободными и равными в правах царям были только немногие представители родовой знати [Медведев 2013: 56].

В ситуации «темных веков» древние греки не отказались полностью от государственной власти, потому что для отпора пиратам и воинственным соседям необходимо было осуществлять военную оборону, согласованную с другими земледельческими общинами. Но уже единого греческого государства не получалось, на территории Пелопоннеса формировались небольшие полисы — города-государства, размеры которых определялись «расстоянием, на которое можно передать устный приказ» [Медведев 2013: 55]. При этом «подчинение власти царя оставалось беспрекословным, и он по-прежнему должен был участвовать в важнейших религиозных ритуалах», но уже не в статусе «священного вождя», а как «военный предводитель, капитан своего корабля-государства». Это означало утрату сакральности, божественности царской власти, поэтому «иногда власть в греческих полисах могла переходить ко всему слою знатных или же ее захватывали единоличные правители, не принадлежавшие к царскому роду (они назывались тираннами)» [Медведев 2013: 57]. Следовательно, теперь любой представитель родовой знати мог заменить царя при необходимости, а в таких государствах стали складываться представления о значимости достоинства свободного человека, суда и закона, которые выше любого человека, перед которыми равны все свободные люди [Медведев 2013: 57].

Мореплавание и пиратство стали значимыми факторами изменения сознания и поведения древних греков. Им уже становилось недостаточно и неэффективно следовать традиционным ритуалам в решениях жизненных проблем, им необходимо было предвидеть будущее, прогнозировать возможные события, оценивать их возможные исходы. А это предполагает развитие аналитических способностей людей, как минимум принадлежащих знатным родам [Петров 1995: 222]. И мотивации к развитию таких способностей были вполне практическими, потому что неверная оценка ситуации и неверный прогноз ее развития могли в результате набегов врагов приводить к гибели не только самого древнего аналитика, но и его рода [Петров 1995: 223].

На пиратских кораблях и, следовательно, в земледельческих общинах и в делах полисов для решений проблем были необходи-

мы скоординированные действия многих людей. И в таких действиях все строго подчинялись своим «повелителям», выполняя их волю. А «повелители», которыми естественно были представители знати, должны были проявлять творческие способности для разрешения постоянно возникающих проблем и в меняющихся условиях деятельности. Но нередко прогнозирование развития ситуаций, например в морских походах, становилось столь сложной задачей, с которой не мог справиться ни один «повелитель». И тогда «повелители» должны были поддерживать в своих «гребцах-воинах» представление о том, что они видят будущее «дальше всех, лучше всех и яснее всех». Но одновременно, поскольку цена ошибки в анализе и прогнозе ситуации могла быть катастрофичной и для «повелителя», и для тех, кто ему подчиняется, «повелители» стали формировать методологию анализа и прогнозирования, близкую по типу к современной научной. В частности, в древнегреческую методологию включался анализ уже имеющихся знаний, логический вывод следствий из посылок, выявление причинно-следственных связей и т.п. Существенным отличием древнегреческой методологии от современной научной было полное отсутствие в первой экспериментальных проверок получаемых выводов. Правильность таких выводов у древних греков подтверждалась исключительно практикой осуществления действий в соответствии с разработанными выводами из анализа и прогноза развития ситуации. Но, главное, что такая методология разрушала традиционные ритуалы действий и принятия решений, а порождала отношение к миру и принятию управленческих решений в соответствии с культурными образцами и программами универсально-понятийного социокода. А этот социокод формировал «целостных, всесторонне развитых и обладающих гражданской доблестью личностей», содействовал их успехам в решениях жизненных проблем и в государственном управлении [Петров 1995: 225–233].

В противоположность универсально-понятийному для профессионально-именного социокода характерны заставание «формы ритуала практического отношения к миру», разделение социума на «автономные и самодовлеющие профессионально-государственные структуры», осуществляющие регулирование общественных

отношений по принципам обратной связи, то есть через реакции на уже возникшие отклонения от нормы. А для универсально-понятийного социокода характерно, напротив, регулирование общественных отношений по принципам прямой связи, через анализ факторов и прогноз развития ситуации [Петров 1995: 233–235]. Именно такой подход к решениям проблем и поискам выходов из разнообразных кризисов наиболее эффективен в современных условиях. По этой причине универсально-понятийный социокод, возникший в древности при особом стечении обстоятельств, практически случайно, не следует, по нашему мнению, оценивать как архаичный, а профессионально-именной, напротив, следует.

АРХАИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОССИИ

По результатам проведенного анализа мы можем конкретизировать и уточнить сформулированную выше гипотезу следующим образом. В современной России политические элиты и государственное управление в культурных образцах и программах своего мышления и в своей деятельности во многом следуют нормам и практикам, характерным для профессионально-именного социокода М.К. Петрова. И именно приверженность российских политических элит и российского государственного управления этому социокоду определяет их архаизацию. Приведем некоторые примеры, подтверждающие эту гипотезу через выявление признаков архаизации политических элит и органов власти России.

Если признать доминирование в современной России профессионально-именного социокода и следование нашей политической элиты ритуалам, культурным образцам и программам именно этого социокода, становятся понятными сложности с внедрением и эффективным использованием в нашей стране новых, особенно, инновационных технологий и в производстве, и в регулировании общественной жизни. Причиной является то, что архаичные нормы и правила культуры, соответствующие этого социокоду, препятствуют инновациям и через невозможности возникновения необходимых мотиваций поведения, и на ценностном уровне через

уверенность в необходимости обеспечения стабильности, а не развития.

В современной российской реальности все более проявляется обращенность политических элит и должностных лиц государственного управления в прошлое, поиск в этом прошлом методов решений современных проблем, что характерно для архаических стилей мышления. Такая обращенность в прошлое приводит к фактическому отказу от анализа и прогноза развития ситуации, потому что сопровождается ожиданиями восстановления норм общественных отношений в результате действия обратных связей в полном соответствии с культурными образцами и программами профессионально-именного социокода М.К. Петрова.

А.С. Ахиезер объясняет это явление тем, что в современной России необходимость формирования новых институтов после распада СССР в 1991 г. привела к возврату «к старым идеям, оправдавшим себя во времена прошлых кризисов» [Ахиезер 2001: 89]. По этой причине в современной России при принятии политических и государственных решений зачастую используются не новые, а архаичные институты, неадекватные вызовам современного мира. А во многих случаях новые, по форме модернизированные институты используются для поддержки старых, архаичных способов осуществления политики и государственного управления.

При этом, безусловно, архаизация российского общества и государства не является единственной тенденцией их развития, она смешивается с достижениями современных технологий и современных способов организации общества, экономики и государственности [Ахиезер 2001: 90]. Но в современной России именно архаизация общества и государства стала существенным и даже доминирующим фактором принятия и исполнения решений в политике и государственном управлении.

Так, в современной России, как это было в течение многих столетий, «государство воплощает некоторую идею стабильности, трансляцию сложившегося порядка во времени» [Ахиезер 2010: 35]. Этой стабильности от государства ожидают и политики, и граждане, и это признак архаики в их сознании и социальном поведении также в соответствии с культурными образцами и про-

граммами профессионально-именного социоклада М.К. Петрова. Высокая ценность стабильности характерна для традиционных обществ, в которых «присутствует ориентация на поддержание один раз найденного стабильного и устойчивого состояния» [Яковенко 2017: 22]. Такое общество либо находится «в имманентно статичном состоянии», либо при наличии условий среды осуществляет «экстенсивное развитие» [Там же: 22]. И оба эти состояния общества и государства известны в истории нашей страны, более того, были весьма длительными по времени.

Однако в реальности стабильность в современном российском обществе и государстве поддерживать не удается. Сложность современных проблем, которые должно решать государство, вынуждает сами органы власти эту стабильность постоянно нарушать. В качестве примеров таких нарушений в политике можно привести постоянные изменения законодательства и правоприменительной практики в политике — в сфере выборов и деятельности политических партий, а в государственном управлении — в сферах пенсионной системы, образования и здравоохранения. Эти нарушения стабильности негативно оцениваются большинством общества, создают проблемы должностным лицам государственной службы. И может показаться, что нарушения стабильности свидетельствуют о поисках органами государственной власти новых институтов, которые могли бы обеспечить модернизацию страны.

Но, как известно, результаты проводимой в нашей стране модернизации не устраивают ни общество, ни элиты, ни государственное управление. Так, анализ результатов модернизации России привел авторов документа «Стратегия развития страны 2018–2024» к следующим выводам: «Последние годы мы живем хуже, чем могли бы, отстаем по качеству жизни. Наша экономика растет медленнее, чем могла бы. Потенциал страны и ее жителей раскрывается не в полной мере. Мы можем лучше» [Стратегия 2018: 2]. В Центре стратегических разработок проводился анализ причин такого положения, который, в частности, показал следующее. Разработанная в 2011 г. «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года» (далее — «Стратегия-2020») не была утверждена, но «часть ее положений нашла отражение в нор-

мативных правовых актах, распоряжениях и поручениях президента и правительства» [Анализ факторов... 2016: 11]. Поэтому было признано возможным оценить, что и в какой степени было реализовано из предложений «Стратегии-2020». Исследователи пришли к выводу, что большинство предложений «Стратегии-2020» оказались невыполненными [Там же: 15]. Полностью реализованными были отдельные технические предложения, которые не требовали «изменения институциональной среды, механизмов работы государственного аппарата. В основном, это улучшающие организационные инновации, но не реформы и коренные изменения, отвечающие реальным вызовам» [Там же: 12]. Такое отношение исполнителей в государственном управлении России к изменениям институциональной среды в соответствии с нашей гипотезой объясняется архаизацией их сознания и управленческих практик. Ведь для архаического сознания, определяемого профессионально-именным социокodem, вообще представляются невозможными реальные реформы государственного управления. Дело в том, что любые реальные реформы, кроме технических изменений, создают существенные риски нарушения стабильности в политике и государственном управлении, что противоречит ценностным ориентациям его руководителей и исполнителей.

Еще один пример показывает неадекватность реагирования российской политической элиты и государственного управления на вызовы современного мира. Как известно, доходы российского бюджета во многом формируются от продаж добываемой нефти и газа. И российские чиновники убеждены, что, как и прежде, страна, обладающая такими ценными природными ресурсами, будет получать достаточно поступлений в государственный бюджет от их продаж. Но ситуация в современном мире существенно меняется.

По оценке главного экономиста группы British Petroleum (BP) Спенсера Дейла, «если еще 20–30 лет назад наличие обильных энергоресурсов могло служить гарантией, что страна может обеспечить себе благополучную жизнь в долгосрочной перспективе, сейчас это уже не так: на рынке появилось огромное количество энергоресурсов из самых разных источников. Выигрывает тот, у кого самые низкие по себестоимости разработки ресурсы и кто

может обеспечить конкурентоспособные поставки на мировой рынок. Это главные условия для монетизации запасов той или иной страны» (цит. по: [Кутузова 2018]). Таким образом, российские чиновники ошибаются, рассчитывая без реформ развития нефтяной отрасли в нашей стране получать и дальше достаточно высокие доходы от продаж добываемой в России нефти. Эта ситуация будет сохраняться еще несколько лет, но затем конкуренты, в первую очередь, США и Саудовская Аравия на рынке нефти, а также США и Катар на рынке природного газа, могут существенно увеличить свои доли мировых рынков за счет снижения доли России [Кутузова 2018].

Для того чтобы снизить вероятность риска такого развития событий, нефтяной и газовой отраслям России, как этим отраслям и в других странах, необходимо осуществлять инвестиции в новые технологии, повышающие эффективность добычи и поставок этих природных ресурсов [Кутузова 2018]. Возможно, необходимо будет менять и государственное регулирование этих отраслей. Но такие инвестиции дадут эффект только в относительно долгосрочной перспективе, когда произойдет изменение структуры мировых рынков нефти и газа. Тем не менее те страны, которые эти инвестиции не будут осуществлять в настоящий период, не смогут адекватно отреагировать на изменение структуры рынков, потому что такая реакция будет возможной только с применением уже внедренных новых технологий добычи и поставок. Если эти технологии только начать внедрять, то, когда в будущем станет реальностью изменение структуры рынков нефти и газа, страна проиграет в конкуренции с теми, кто эти инвестиции сделал заранее и подготовился к их активному применению до наступления очередного кризиса на мировых рынках.

В настоящий период экономически инвестиции в новые технологии добычи и поставки нефти и газа неэффективны, снижают текущие прибыли нефтяных и газовых компаний России. Поэтому решения об осуществлении таких инвестиций должны быть политическими, т.е. приниматься политическими элитами и государственным управлением России. Но принятию таких решений препятствует их архаизация: стремление к обеспечению стабильности

в настоящем, опасение рисков слома сложившихся технологических ритуалов, обеспечивающих в настоящий период прибыли нефтяных и газовых компаний и доходы государственного бюджета, и т.п. Эти особенности сознания и поведения российских политических элит и государственного управления, как было описано выше, характерны именно для профессионально-именного социоклада М.К. Петрова.

В современной России развиваются общественные отношения и неформальные институты, весьма сходные с феодальными. Именно такие институты используются для решений сложных проблем в различных областях. А.В. Рябов указывает на следующие институты такого типа: условный характер частной собственности и обладание ею как награда, привилегия за служение государству; развитие рентной экономики и рентные отношения на государственной службе, когда чиновники получают должности для служения государству вместе с извлечением ренты для личного обогащения за такое служение. А для реализации такой ренты чиновниками практически все российские бизнесы поставлены в сильную зависимость от государства, точнее от чиновников соответствующих уровней управления, и владение частными бизнесами также поставлено в качестве условия служения этим чиновникам [Рябов 2008: 4]. Значимость ренты приводит к стремлению большинства и чиновников, и бизнесменов использовать старые технологии, уже приносящие ренту, а не внедрять новые, связанные с рисками потери ренты и только возможностями получения новых статей доходов в государственный бюджет и прибыли, сопряженных с новыми рисками.

Сословную организацию российского общества и государства на большом эмпирическом материале описывает в своих работах С.Г. Кордонский [Кордонский 2008]. Он выделяет сословия по их положению в иерархической системе организации общества, определяющей права, обязанности и привилегии сословий в отношении их служения государству. Обосновывая значимость сословий в современной России с социологических позиций, он утверждает: «...априори считается, что сословное устройство архаично, не специфицирует актуальную социальную реальность и что изуче-

ние сословий есть скорее задача историков и правоведов, а не социологов. Я, напротив, считаю, что современное сословное деление — применительно прежде всего к России — не менее, а может быть, и более актуально, чем классовое (по уровням доходов и типам потребления. — *В.Р.*) и что нерелевантная принадлежность к сословиям определяет социальное поведение в гораздо большей степени, чем принято считать» [Кордонский 2008: 26].

С.Г. Кордонский признает, что современные российские сословия, определяемые некоторыми законами, например, законодательством о статусе и службе судей, военной, правоохранительной и гражданской службе, пока не имеют безусловных прав, ведь «у них нет права самоуправления, а члены сословий не обладают сословными самосознанием и менталитетом. Более того, у членов сословий чаще всего отсутствует рефлексия своей принадлежности к сословию. Вместо нее есть профессиональная самоидентификация» [Кордонский 2008: 73]. И в этой ситуации российское государство создает и поддерживает сословия для служения себе, государству или для обслуживания тех или иных сословий. Служение «титовых» (определенных законом) сословий государству заключается в нейтрализации разнообразных угроз безопасности или в выявлении таких угроз и подготовке к их нейтрализации [Кордонский 2008: 91]. Такие социальные практики противодействия угрозам известны с глубокой древности и, как было представлено выше, соответствуют профессионально-именному социокоду М.К. Петрова.

С.Г. Кордонский приводит и другие характеристики современных российских сословий, которые определяют архаизацию общества и государства. Например, современные сословия в России во многом связаны с институтами профессий и профессиональными общностями [Кордонский 2008: 26], которые нужно понимать широко — от социальных корпусов судей и государственных служащих до работников нефтяных и газовых корпораций. Сословия определяют реальное неравенство граждан перед законом и судом, и это «неравенство в первую очередь заключается в том, что сословия имеют различающиеся права и обязанности перед государством и несут разные государственные повинности» [Кордонский 2008: 27].

Смысл деятельности каждого сословия — это освоение ресурсов, которые им выделило для этой цели государство или их сюзерены. Развития этих ресурсов или их использование для развития или роста прибылей частных бизнесов не предусматривается. Вместо развития ресурсов осуществляется «расширение ресурсной базы», что тоже относится к служению сословий государству. В современном мире за такое расширение ресурсов российскому государству приходится конкурировать с транснациональными корпорациями и государствами. Для участия в такой конкуренции в России создаются государственные корпорации: «Газпром», «Роснефть», «Росатом» и некоторые другие. Но сама конкуренция в сознании и социальных практиках государственного управления и руководства этих государственных корпораций понимается как борьба с врагами — иностранными государствами и транснациональными корпорациями. И этой борьбой с врагами занимаются специально для этого создаваемые государством сословия, о которых уже писалось выше. Рано или поздно расширение ресурсной базы останавливается по тем или иным причинам, и тогда в России наиболее вероятен не переход к иному типу государственного управления, а замена старых сословий на новые, возможно, в результате социальных революций [Кордонский 2008: 120–121].

В более или менее стабильной социальной ситуации государственное управление, направленное на освоение ресурсов, а не на их развитие, противодействует внедрению и широкому использованию новых технологий и в производственной, и в управленческой деятельности. Например, внедрение современных информационных технологий в системы управления в России не приносит того эффекта, который заметен в развитых странах Запада. Причина в том, что российские управленцы и их подчиненные пытаются использовать эти технологии для поддержки старых, архаичных способов управления, стремясь избежать угроз и рисков развития, а потому не готовясь к противодействию этим угрозам и рискам. Российские управленцы и их подчиненные избегают этих рисков и угроз, стараясь меньше использовать современные информационные технологии, вводя запреты доступа к ним в государственном управлении и большинству граждан, используя бумажные техно-

логии для проверки подлинности информации в электронных документах и т.п. Такие социальные практики избегания рисков и угроз от новых технологий можно оценить как качества социального поведения, определяемые профессионально-именным социокодом М.К. Петрова.

Большинство российских граждан довольно активно используют разные гаджеты, коллективные игры, покупки в Интернете и т.п. По уровню пользования современными информационными технологиями и Интернетом мы вполне соответствуем развитым странам мира. С использованием новых технологий и способов общения многие российские граждане существенно изменили свою жизнь — у них другие контакты, другие интересы, другое общение, чем было в прежние периоды. Но на уровне государственной власти эти же технологии, за редким исключением сайта Госулут и некоторых других сервисов, не очень существенно меняют жизнь граждан. Одна из причин — органы власти опасаются потерять достигнутую ими стабильность, поэтому не позволяют широко применять информационные технологии и Интернет для взаимодействий с гражданами и решений проблем, на которые органы власти регулируют. Эту ситуацию можно оценить как препятствия, которые архаизация государственного управления ставит развитию общества в России.

Архаизация российского общества и государства проявляется также в высокой ценности так называемой «вертикали власти», то есть выстраивания всех отношений в государстве по иерархии с подчинением нижестоящих субъектов своим сюзеренам. В массовое сознание внедряется представление о том, что вся «вертикаль власти» служит государству. Но скорее в этой вертикали действует феодальный принцип «вассал моего вассала не мой вассал». Например, региональные органы власти скорее служат руководителям регионов, чем федеральным, а федеральным органам власти для обеспечения служения своим руководителям приходится формировать региональные управления и другие структуры федеральных органов власти в регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архаизация общественных отношений и государственности и в России, и в других странах мира является вполне закономерным и естественным процессом. Важно при этом оценивать направленность этого процесса, как он определяет смыслы современности, понимание актуальных проблем и способов их решений. В тех случаях, когда архаика определяет неадекватные смыслы современности и соответствующие им способы решений проблем, архаизация должна быть признана неадекватной для использования в политическом процессе и государственном управлении.

Архаизация общества негативно влияет на сознание и социальные практики граждан. Традиционные и советские способы социализации и идентификации потеряли былую определенность или были разрушены. А формирующиеся институты в силу архаизации являются неадекватными для обеспечения жизни и деятельности в современном мире из-за их противоречивости и неопределенности. В этих условиях для большинства российских граждан стала характерна аномия, которую можно понимать как отказ от следования нормам и правилам социального поведения, подчинения безличным институтам. Аномия ведет к снижению уровня институционального и межличностного доверия в обществе, к проявлениям агрессии к другим гражданам, органам власти, социальным институтам, способствует уходу от реальности в пьянство, наркоманию, виртуальность, поддерживает разрушительные для общества и государства явления, в первую очередь преступность и коррупцию.

Реализуемая политика развития в современной России приводит к расширению архаизации общества и государства и потому к их неконкурентоспособности в мире. И при этом ни в обществе, ни в органах власти, ни среди экспертов в нашей стране нет ни обсуждений архаизации общества и государства, ни, следовательно, поиска методов постепенного отказа от нее. Представленные выше концепция социокодов М.К. Петрова и ее применения для выявления значимых факторов архаизации политической элиты и государственного управления России могут способствовать измене-

нию такой ситуации в нашей стране и обеспечению ее реальной модернизации.

Литература и источники

Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. Аналитический доклад / под ред. М. Э. Дмитриева. СПб., 2016 // Сайт «Центр стратегических разработок». URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Report-on-strategy.pdf> (дата обращения: 11.12.2018).

Ахизер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89–100.

Ахизер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // *Мир России*. 2010. Т. 4, № 1. С. 3–56.

Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

Кутузова М. Мир изобилия и конкуренции от ВР. О выступлении главного экономиста группы ВР Спенсера Дейла 05.04.2018 в ИМЭМО РАН на заседании форума «Нефтегазовый диалог» с презентацией «Прогноза развития мировой энергетики до 2040 г.», подготовленного компанией // *Нефтянка*. 09.04.2018. URL: <http://neftianka.ru/bp-energy-outlook-2018/> (дата обращения: 11.12.2018).

Ламажаа Ч.К. Проблема архаизации общества // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. № 4. С. 44–49.

Ламажаа Ч.К. Проблема политической архаизации Тувы // *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 2. С. 108–115.

Медведев А., Медведева Е. Как появилась рыночная экономика и возможна ли она в современной России? М.: Буки Веди, 2013.

Петров М.К. Язык и категориальные структуры // *Науковедение и история культуры*. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1973. С. 58–82.

Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995.

Петров М.К. Язык, знак, культура / вступит. ст. С.С. Неретиной. 2-е изд., стереот. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Рябов А.В. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // *Рабочие тетради. Working Paper*. № 4. М.: Московский центр Карнеги, 2008.

Стратегия развития страны 2018–2024. Краткая версия. М.: Центр стратегических разработок, 2018 // Сайт «Центр стратегических разработок». URL: <https://strategy.csr.ru/user/themes/standart/files/csr.compressed.pdf> (дата обращения: 11.12.2018).

Хачатурян В.М. Диалог с архаикой // Человек: иллюстрированный научно-популярный журнал. 2006. № 3. С. 48–61.

Хачатурян В.М. Архаизация и модернизация в современной России: к проблеме модернизационного потенциала архаики // Исторические повороты культуры: сборник научных статей (к 70-летию профессора И.В. Кондакова) / общ. ред. и сост. О.Н. Астафьевой. М.: Согласие, 2018. С. 18–19.

Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. 3-е изд., доп. М.: Знание, 2017.

ARCHAIZATION OF POLITICAL ELITE AND PUBLIC ADMINISTRATION OF RUSSIA

V. Rimskiy

Abstract. *The article presents the hypothesis that in modern Russia archaic tendencies are determine the course and results of the modernization process no less, but more significant, than post-industrial and industrial trends. At the same time, the consciousness and activity of not only the majority of society, but also the Russian political elites, and the public administration are essentially determined by their archaization. And archaic in their the consciousness and activity should be considered everything that is determined by their following to cultural patterns and programs that correspond to M.K. Petrov's professional-nominal sociocode. The article provides a brief presentation of the concept of sociocodes M.K. Petrov, which is necessary to justify the author's hypothesis expressed, as well as some examples that confirm this hypothesis. It is concluded that the implemented development policy in modern Russia leads to the expansion of the archaization of society and the state and, therefore, to their lack of competitiveness in the world. And at the same time, neither in society, nor in government bodies, nor among experts in Russia, there are any discussions of the archaization of society and the state, and, consequently, the search for methods of phasing out the archaization. The concept of sociocodes M.K. Petrov and its applications to identify significant factors of the archaization of the political elite and the government of Russia can contribute to changing the situation in our country and ensuring its real modernization.*

Keywords: *archaization, archaic, modernization, sociocode, political elites, state administration, decision-making, analysis, forecast, Russia.*

References

Analiz faktorov realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verkhnego urovnya. Analiticheskij doklad. [Analysis of the implementation of top-level strategic planning documents. Analytical report.]. Ed. by Dmitriev M.E. St. Petersburg, 2016. 208 p. The website "TSentr strategicheskikh

razrabotok”. URL: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Report-on-strategy.pdf> (available: 11.12.2018). (In Russian)

Akhiezer A.S. Arkhaizatsiya v rossijskom obshhestve kak metodologicheskaya problema [Akhiezer A.S. Archaization in Russian society as a methodological problem], *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2001, 2, pp. 89–100. (In Russian)

Akhiezer A.S. Rossiya: nekotorye problemy sotsiokul'turnoj dinamiki [Akhiezer A. S. Russia: Some Problems of Socio-Cultural Dynamics], *Mir Rossii*, 2010, 4 (1), pp. 3–56. (In Russian)

Achkasov V A. “Vzryvayushhayasya arkhaichnost'”: traditsionalizm v politicheskoy zhizni Rossii [“Exploding Archaism”: traditionalism in the political life of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg state university publ., 1997. (In Russian)

Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetsoj Rossii* [Estates in the social structure of post-Soviet Russia.]. Moscow: Obshhestvennoe mnenie, 2008. (In Russian)

Kutuzova Mariya. Mir izobiliya i konkurentsii ot VR. O vystuplenii glavnogo ehkonomista gruppy VR Spensera Dejla 05.04.2018 v IMEHMO RAN na zasedanii foruma «Neftegazovyy dialog» s prezentatsiej «Prognosa razvitiya mirovoj ehnergetiki do 2040 g., podgotovlennogo kompaniej. [A world of abundance and competition from BP. On the speech of the chief economist of the BP group Spencer Dale on 04/05/2018 at the IMEMO of the Russian Academy of Sciences at the meeting of the “Oil and Gas Dialogue” Forum with a presentation “The Forecast of World Energy Development until 2040”, prepared by the company], *Neftyanika*, 09.04.2018. URL: <http://neftianika.ru/bp-energy-outlook-2018/> (available: 11.12.2018). (In Russian)

Lamazhaa Ch.K. Problema arkhaizatsii obshhestva [The Problem of the Archaization of Society], *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2009, 4, pp. 44–49. (In Russian)

Lamazhaa Ch.K. Problema politicheskoy arkhaizatsii Tuvy [The problem of political archaization of Tuva], *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2011, 2, pp. 108–115. (In Russian)

Medvedev A., Medvedeva E. *Kak poyavilas' rynochnaya ehkonomika i vozmozhna li ona v sovremennoj Rossii?* [How did the market economy appear and is it possible in contemporary Russia?]. Moscow: Buki Vedi, 2013. (In Russian)

Petrov M.K. Yazyk i kategorial'nye struktury [Language and categorical structures]. In: *Naukovedenie i istoriya kul'tury* [Science of science and cultural history]. Rostov-on-Don: Rostov university publ., 1973, pp. 58–82. (In Russian)

Petrov M.K. *Iskusstvo i nauka. Piraty Egejskogo morya i lichnost'* [Art and Science. Pirates of the Aegean Sea and personality]. Moscow: ROSSPEHN, 1995. (In Russian)

Petrov M.K. *Yazyk, znak, kul'tura*. [Language, sign, culture]. Introductory article by Neretinova S.S. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2004. (In Russian)

Ryabov A.V. *Vozrozhdenie feodal'noy "arkhaiki" v sovremennoj Rossii: praktika i idei* [Ryabov A.V. Revival of feudal "archaic" in modern Russia: practice and ideas], *Rabochie tetradi Tsentra Karnegi* [Working Paper of Carnegie Center], 2008, 4, pp. 1–16. (In Russian)

Strategiya razvitiya strany 2018–2024. Kratkaya versiya. [Country Development Strategy 2018–2024. Short version.]. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok, 2018. The website "Tsentr strategicheskikh razrabotok". URL: <https://strategy.csr.ru/user/themes/standart/files/csr.compressed.pdf> (available: 11.12.2018). (In Russian)

Khachatryan V.M. *Dialog s arkhaikoy* [Dialogue with the Archaic], *Chelovek* [Human being], 2006, 3, pp. 48–61. (In Russian)

Khachatryan V.M. *Arkhaizatsiya i modernizatsiya v sovremennoj Rossii: k probleme modernizatsionnogo potentsiala arkhaiki* [Archaization and modernization in contemporary Russia: Towards the problem of the modernization potential of the archaic]. In: *Istoricheskie povoroty kul'tury: sbornik nauchnykh statej (k 70-letiyu professora I. V. Kondakova)* [Historical turns of culture: collection of scientific articles (to the 70th anniversary of Professor I. V. Kondakov)]. Ed. by O.N. Astafyeva. Moscow: Soglasie, 2018, pp. 18–19. (In Russian)

Yakovenko I.G. *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyj analiz* [Knowledge of Russia: Civilization Analysis.], third ed. Moscow: Znanie, 2017. (In Russian)